

О. Сенковский

Витязь буланого коня

(Арабская кассида)*

Русские альманахи: Страницы прозы / Сост. и автор примечаний В. И. Коровин.-- М.: Современник, 1989 (Классическая библиотека "Современника")

[OCR Бычков М. Н.](#)

Халиф Омар спросил однажды у Караб-эль-Зобейда, кого он в жизни своей признал за храбрейшего? "Охотно расскажу тебе, властитель правоверных,-- отвечал Караб.-- В один день выехал я на коне славнейшего поколения бегунов Неджду¹, которому пищею был ветер пустыни и пойлом волны *Сурабу*². Рыская по степи, я кидал коня моего влево и вправо, проскакал много пространства и ничего не видал, кроме следов гиены. Вдруг зачернело что-то на краю небосклона, и чрез несколько мгновений стал передо мной юноша, стройный, как дерево баму. Первый пух молодости едва проседал на милом его лице, и никогда от рожденья не видал я прекраснейшего юноши. Он вежливо приветствовал меня, приближаясь; я отвечал ему тем же и спросил: кто ты, витязь? "Я Харес, сын Саада, витязь буланого коня",-- отвечал он. "Берегись же,-- я воскликнул ему,-- ты должен со мной сразиться".-- "Но кто ты такой?" - - спросил меня Харес. "Мое имя Амру-Караб, я сын Маада и Зобеиды; Перуном пустыни зовут меня бедуины!" --"Ничтожный враг,-- вскричал он,-- лишь твое бессилие спасет тебя от смерти!" Разорвалось мое сердце от такого самохвальства. "Клянусь богом,-- возразил я,-- что только один из нас воротится к своей палатке, бедуин! Нагую истину скажу тебе: завтра песок занесет здесь труп твой! Знай, что я из поколения, в котором еще ни одна мать не оплакивала смерти витязя-сына и ни одна красавица не обрезывала долгих кудрей своих по убитом женихе".-- "Выбирай же,-- воскликнул он,-- ты ли будешь убегать, а я догонять тебя, или я пушусь на уход, а ты нападать станешь?" -- "Буду нападать",-- сказал я,-- и вмиг бедуин помчался стрелою. Я стремился вослед... уже мыслил копьем пронзить его насквозь, когда он исчез с коня: я, уже миновав его, увидел, что он гибкою подпругою обвился вокруг конского тела. Пришла его черед: он достиг меня и, копеейным железом ударив по голове, сказал: "Вот тебе первый раз, Омар! Копьем моим заклинаюсь, что если б не жаль было убить такое красивое создание,-- теперь бы уже твой конь ржал над твоим трупом". Я сгорел со стыда, халиф правоверных, и смерть показалась мне милее обиды. Нет -- воскликнул я,-- один только из нас увидит свою палатку. Он снова предложил, и я опять избрал первую очередь. Конь мой летел -- я, казалось, касался наездника -- как вдруг разостлался он по хребту коня и тем unikнул верного удара. Очередь оборотилась: он наскочил на меня и, несмотря на все мое искусство, на все мои уловки,-- снова улучил ударить в голову. "Вот и другой раз, Омар",-- произнес он. Гнев и стыд охватили мою душу. Решено,-- вскричал я,-- или ты мой, или я твой дротик привезем в свое поколение. Вместо ответа юный бедуин ринулся вперед,-- я гнал его, доспел -- и уже меткое копье за плечами, как в нем... но он прыгнул на землю, и когда удар миновал седла, то опять на коне очутился. С череды пустился бедуин за мною, наскочил -- и я не мог ускользнуть от него. "Омар, вот тебе и третий раз",-- сказал он, ударив меня по голове. Лучше убей меня,-- воскликнул я,-- чтобы слышали арабские наездники о вражде нашей. "Знаешь ли, Омар,-- отвечал он,-- что я только до трех раз прощаю!" И потом он продолжал стихами³:

Тобой клянуся, меч стальной,
Ты не кропился кровью чистой!
Коль раз еще мы вступим в бой --
Ты кровли не узришь холмистой,
Намёта родины святой!

Признаюсь, властитель правоверных, меня устрало боевое искусство его, и я, смущенный, сказал: Харес, у меня есть до тебя одна просьба! "Какая?" -- спросил он. Возьми меня к себе в товарищи! "Ты не годишься быть моим товарищем",-- отвечал Харес. Это выражение огорчило, но не отвратило меня. Я спросил его снова и так пристально -- что, наконец, он сказал мне, усмехаясь: "Беда тебе со мною; знаешь ли, куда спешу я?" Конечно, нет!-- был ответ мой. "Еду,-- продолжал он,-- туда, где ожидает меня кровавая смерть, которой жажду, как отрады". Всюду с тобой,-- я воскликнул,-- и туда, где ждет нас кровавая смерть. Мы ехали целый день и часть ночи и, наконец, наехали на одно из поколений арабских.

"Омар,-- сказал тогда юный мой витязь, указывая на кочевые шатры оногo,-- здесь найдем мы